

– А ничего. Он просто нёс её бережно. Как подносят ложку с бульоном к губам того, кто, может быть, уже не различает вкус – но всё ещё чувствует присутствие. Не смысл даже. А присутствие.

Мне вдруг стало как-то слишком тихо внутри.

– Проходило время, – говорит первый, – и этот человек начал идти чуть иначе. Незаметно. Без фанфар. Без заявлений. Мысль входила в походку. Не в голову – а в походку. В угол наклона плеч. В паузу перед словом. В то, как он смотрел на людей в очереди.

– Ты сейчас гонишь, – хмыкнул второй, но без злобы.

– Не, – ответил первый. – Вот серьёзно. Мыследатель не знал, кто это был.

Он вообще редко знал, куда его мысли деваются. Но однажды, проходя мимо, он увидел: человек молча свернул налево, хотя всегда ходил направо.

– И всё?

– Всё. Без объяснений. Без повода. И он понял мысль просла.

Они снова замолчали. Долго. Так долго, что я уже начал думать, что всё, конец.

Потом второй сказал:

– Мораль тут, если уж по-честному, простая. Некоторые мысли – это не слова. Это не реплики. Это не поводы для умных разговоров на кухне. Им не нужно шумное признание. Им нужны только почва, время и тот, кто не спешит отвечать. Электричка начала тормозить. Моя станция. Я встал, взял рюкзак, вышел в тамбур. Двери открылись. Холодный воздух ударил в лицо. Я обернулся уже на платформе. Увидел только две спины. Один в серой куртке. Другой в чёрной, с капюшоном. Лиц я так и не увидел. И почему-то был уверен, что так и должно быть.

ВЛАДИМИР ФОМИН

Шуршит под колёсами гулко дорога,
И тает разметка, петляя чуть-чуть.
Прямая? Там вновь до развилки немного,
Газ в пол и вперёд продолжается путь.

Позёмка вздымается, рвётся, трясётся,
Летит поперёк, укрывая платком,
Асфальт на дорогах пока вдаль несётся
Машин вереница, как будто гуськом:

Одна за другой продолжают движение,
Резиной шурша, в поворотах кренясь.
Они ускользнули из лап заточенья
Оков городских вдаль от оных несясь.

Тут воздух иной и простор перед взором
Какого не видно в бетонной тюрьме.
Вернутся в сей плен было б истинным вздором,
И если так выйдет, то только во тьме,

Когда в этих джунглях из камня и стали
Уже будет ночь и дороги пусты.
Сейчас же колёса темп шустрый набрали.
Под горку стрелой мчатся им с полверсты,

Затем поворот, скорость сброшена снова,
Позёмка укрыла собою опять
Дорожный асфальт как платочком пуховым,
По ней вдаль колёса продолжают бежать.

Вечерний покой: белоснежно кругом,
С небес хлопья дивно кружатся,
Вот ветер утих, может будет потом
Он снова свистеть и стучаться.

В оконные рамы соседних домов,
Как будто погреться охота.
Растёт с каждым часом вдоль улиц покров
Из белого снега. Но что-то

Его убирать не спешит род людской:
Сдались что-ль на милость природе
Под гнётом стихии, отдав этот бой,
А с ним и победу, поводе.

Везде тишина и вечерний покой,
Морозно, но он душу греет.
Зима, словно сказка, над сонной Москвой
Искрится, играет, белеет.

Денёчки пройдут, пропадёт чистота,
Всё настом покроется нежным.
Зато в этот час во дворах красота –
Уютно и так белоснежно.

Белыми гардинами мир зашторен вновь.
Дивными картинами будоражит кровь.
Чистота повсюду лишь бросаешь взор –
Стало явью чудо, снег укутал двор,

Каждую тропинку белым замело,
И с карниза льдинку силой сорвало.
Оземь разлетелась тысячью частей,
Что ж так захотелось ей лететь скорей?